

К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

DOI: 10.15372/HSS20170101
УДК [303.446.4:330.12] (470+571)

С.А. НЕФЕДОВ

СУЕТА ВОКРУГ РЕВОЛЮЦИИ

Институт истории и археологии УрО РАН,
РФ, 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

Была ли Русская революция начала XX в. случайностью или кризис был обусловлен экономическими причинами? Традиционный ответ на данный вопрос гласит, что революция была вызвана низким уровнем жизни, бедностью и постоянно повторявшимися случаями голода. Однако в 1970-х гг. в обстановке «холодной войны» в США появилась «ревизионистская школа», представители которой утверждали, что жизненный уровень в России повышался, а революция была случайностью. Настоящая статья посвящена критике работ ревизионистской школы, в частности, работ П. Грегори и Б.Н. Миронова. Основным аргументом Б.Н. Миронова является якобы зафиксированное его подсчетами увеличение роста новобранцев в 1874–1913 гг. Однако в его вычислениях обнаружена ошибка, причем оказалось, что в действительности рост рекрутов снижался.

Ключевые слова: причины русской революции, уровень потребления, ревизионистская школа, П. Грегори, Б.Н. Миронов, антропометрические данные.

S.A. NEFEDOV

FUSS ABOUT THE REVOLUTION

Institute of History and Archaeology UB RAS,
16, S. Kovalevskaya str., Yekaterinburg, 620990, Russia

Was the Russian revolution at the beginning of the XX century an accident or did the crisis occur due to economic reasons? The traditional answer to this question states that the revolution was caused by the low living standard, poverty and constantly repeated hunger strikes. Peasant land scarcity and poverty were described by the greatest economists of the pre-revolutionary period. Soviet historians also considered the level of consumption in Russia to be extremely low, and, moreover, gradually dropping. Such position was originally inherent also to Western historiography, but in the 1970s, in the “cold war” climate a “revisionist school” appeared in the United States, whose representatives argued that the standard of living in Russia had been increasing, that the revolution was an accident.

The article is devoted to criticism of the revisionist school works. The most famous representative of this school is P. Gregory, who estimated that the cost of grain left by farmers for their own consumption, increased by 51 % in 1885–1901. This result is referred to by many authors. However, the detailed analysis shows that in Gregory’s calculations there are a number of mistakes and in fact the growth was only 12 %, and in per capita terms there was a decrease of this indicator.

Сергей Александрович Нефедов – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии ИИиА УрО РАН, e-mail: iia-history@mail.ru.

Sergey A. Nefedov – doctor of historical sciences, leading researcher, Institute of history and archaeology UB RAS.

The largest revisionist school representative in Russia is B.N. Mironov, who made an attempt to assess the level of food consumption at the beginning of the XX century. In addition to these calculations, the main Mironov's argument is supposedly fixed by his computations increase of recruits in 1874–1913 years. However, in these Mironov's calculations also a mistake was detected, and it turned out that in reality the growth of recruits decreased.

Thus, the works of the revisionist school representatives do not give an adequate idea of the living standard in Russia on the eve of the revolution.

Key words: Causes of the Russian revolution, the level of consumption, the revisionist school, P. Gregory, B.N. Mironov, anthropometric data.

Была ли Русская революция начала XX в. случайностью или кризис был обусловлен экономическими причинами? Традиционный ответ на этот вопрос сводится к тому, что революция была вызвана низким уровнем жизни, бедностью, обнищанием народных масс. О крестьянском малоземелье и нищете писали крупнейшие экономисты предреволюционного периода. «Тезис о систематическом понижении уровня жизни крестьян...», – признает Б.Н. Миронов, – получил поддержку у всех авторитетных исследователей конца XIX – начала XX в.: И.И. Игнатович, А.А. Кауфмана, П.И. Лященко, Н.М. Покровского, Н.Н. Рожкова, А. Финн-Еногаевского и других, включая, конечно, В.И. Ленина, что отразила энциклопедия Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона» [1, с. 31–32]. Советские историки, так же как и дореволюционные экономисты, считали уровень потребления в России крайне низким, и притом постепенно понижавшимся. Такая позиция первоначально была свойственна и западной историографии.

До 1970-х гг. причину революции видели в ухудшении положения народных масс, и прежде всего крестьянства, а главной причиной оскудения крестьянства считался быстрый рост населения, приведший к острой нехватке земли [1, с. 47–48]. Но в 1967 г. один из апостолов «холодной войны» Джордж Кеннан (по образованию историк-русист) призвал западных историков к ревизии устоявшихся взглядов с тем, чтобы показать достижения царского самодержавия, успехи российской экономики и случайный характер революции [2, с. 26]. В 1974 г. был основан так называемый Институт Кеннана (Kennan Institute for Advanced Russian Studies), который организовал работы в соответствующем направлении. Гранты «Института Кеннана» получали многие видные историки, например, П. Грегори, Д. Филд, П. Гатрелл, М. Конфино, Т. Хасегава, С. Уиткрофт. В своих работах эти исследователи старались показать, что российская экономика находилась на пути поступательного развития и уровень потребления народных масс увеличивался. Таким образом, в западной историографии постепенно сформировалось ревизионистское направление, к которому вскоре примкнули и некоторые российские историки, в частности, стажировавшийся в 1992–1993 гг. в Институте Кеннана Б.Н. Миронов¹ [3].

Многие историки ревизионистского направления писали в первую очередь о бурном промышленном

развитии России, поскольку эта отрасль экономики развивалась быстрее, чем сельское хозяйство. Именно на эти работы прежде всего обратили внимание российские специалисты, и Ю.А. Бокаревым было показано, что исчисленные американскими исследователями темпы роста российской промышленности намного превышали реальные показатели [3]. Среди исследований ревизионистского направления следует особо выделить монографию П. Грегори, которая была переведена в России и на которую ссылаются многие исследователи, в том числе российские [4]. П. Грегори рассчитал темпы роста не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве – в том числе уровень потребления крестьян, составлявших в то время подавляющее большинство населения. В связи с этим особенно часто цитируется следующий результат П. Грегори: «Между 1885–1889 и 1897–1901 гг. стоимость зерна, оставленного крестьянами для собственного потребления, в постоянных ценах возросла на 51 %, тогда как сельское население увеличилось на 17 %. Таким образом, потребление зерна в крестьянском хозяйстве росло в три раза быстрее, чем сельское население» [5, с. 36]. Данное утверждение является опорным для всей ревизионистской теории, поэтому следует более подробно остановиться на методе, с помощью которого получен данный опрокидывающий предшествующие представления вывод.

Используемый П. Грегори метод подробно описан в его работе 1980 г., которая еще не становилась объектом внимания российских историков [5]. В отличие от других исследователей П. Грегори попытался определить объем зерна, оставлявшегося крестьянами для собственного потребления в пищу, причем не в весовых, а в стоимостных единицах. П. Грегори предполагал, что в указанный «продовольственный» объем входили пшеница, рожь, ячмень, а весь овес (а также все остальные зерновые) расходовался на фураж. Это, конечно, неверно, так как большая часть овса употреблялась и в пищу, а часть ржаной муки, напротив, использовалась на фураж – в качестве «посыпки» при кормлении скота соломой. По оценке Министерства продовольствия (1917 г.), на голову скота в черноземной полосе расходовалось 4,9 пуда овса и 6,1 пуда посыпки в год, т.е. основную часть зернового фуража составляла именно посыпка [6, с. 24–25]. На фураж использовалась и большая часть картофеля, который П. Грегори считает исключительно пищевой культурой. Сколько именно разных видов зерна расходовалось на фураж в 1885–1889 и 1897–1901 гг., определить невозможно; очевидно лишь то, что в связи с распашкой пастбищ доля фуражного зерна

¹ Архив исследовательских проектов Института Кеннана. URL: <https://www.wilsoncenter.org/person/boris-n-mironov> (дата обращения: 16.01.2017).

и картофеля возрастала. Получается, что выделяемый П. Грегори объем зерна – это отнюдь не объем «продовольственного зерна», а некая чисто условная категория. При этом урожай такого условного «продовольственного зерна» растет быстрее, чем урожай всех зерновых, так как производство не входящего в эту категорию овса росло медленнее, чем производство других культур.

Далее П. Грегори попытался определить объем указанной условной категории зерна, оставлявшийся в хозяйствах, исключив ту часть, которая поступала на рынок. Для этого американский исследователь использовал транспортную статистику. Однако статистика водных перевозок недоучитывала объем грузов не менее чем на четверть – притом недоучитывала в разные годы по-разному [7, с. 3–5]. Статистика гужевых перевозок в то время полностью отсутствовала, а между тем по некоторым данным объем гужевых перевозок в город был очень значителен. Таким образом, несовершенство транспортной статистики не позволяло определить реальный объем зерна, оставляемого в хозяйствах (в масштабах всей Европейской России).

На заключительном этапе вычислений П. Грегори перевел объем оставляемого в хозяйствах условно «продовольственного зерна» в деньги – как будто крестьяне потребляли в пищу не зерно, а ассигнации. Естественно, за счет освоения земель на степном юге урожаи пшеницы росли быстрее, чем урожаи ржи и овса в центральных районах. Поскольку цена пшеницы была выше, чем цена ржи и овса, это дало П. Грегори существенную прибавку при переходе от натуральных объемов к стоимостным. Как отмечалось выше, согласно П. Грегори стоимость зерна, «оставленного крестьянами для собственного потребления», возросла на 51 %, в натуральных же объемах, как видно из его вычислений, она увеличилась лишь на 35 % [5, с. 162].

Главное, однако, заключается в том, что П. Грегори сравнивал заведомо несопоставимые величины. В основе его вычислений лежали официальные данные Центрального статистического комитета (ЦСК) об урожаях в 1885–1889 и 1897–1901 гг. Эти данные не сопоставимы, так как в промежуток между этими датами, – в 1893 г., – были изменены методы определения урожайности, в результате чего, как указывает Д.И. Иванцов, урожайность формально повысилась не менее, как на 10 % [8, с. 75]. Следовательно, реальная урожайность в 1885–1889 гг. была, по крайней мере, на 10 % больше, чем в расчетах П. Грегори. Кроме того, при исчислении урожаев за эти годы использовались данные о посевных площадях 1881 г., в то время как в действительности в 1887 г. посевные площади были на 5 % больше [9, с. 203]. Таким образом, валовой урожай в 1885–1889 гг. был, по крайней мере, на 16 % больше, чем у П. Грегори. Таким образом, объем чистого сбора, указанный у П. Грегори [5, с. 162], нужно увеличить на 16 %. Поскольку объем продаж оставался прежним, то натуральный объем

условно «продовольственного зерна» для собственного потребления в 1885–1889 гг. увеличится на 21 %. В итоге получится, что с 1885–1889 по 1897–1901 гг. этот объем вырос не на 35 %, а на 12 %, в то время как численность сельского населения увеличилась (по П. Грегори) на 19 %. То есть объем «оставляемого в хозяйствах зерна» в расчете на душу населения в действительности существенно уменьшился.

В целом наш анализ расчетов П. Грегори показывает, что его вывод о значительном увеличении потребления в конце XIX – начале XX в. был результатом жонглирования цифрами. Эту эквилибристику можно объяснить только политическим запросом на получение «нужного» результата – суеютой периода «холодной войны».

Грегори пытался оценить динамику потребления. Но каков был абсолютный уровень потребления? Попытка оценить этот уровень была предпринята другим сторонником ревизионистского направления – Б.Н. Мироновым.

Расчеты Б.Н. Миронова были опубликованы в 2008 г. в журнале «Уральский исторический вестник» [10]. Он построил хлебофуражный баланс: вычел из валового урожая расходы на семена, экспорт, армию, винокурение, товарный хлеб и получил продовольствие и фураж, оставшийся в деревне. Автор считал, что годовая норма расхода на фураж составляла 18 кг на душу, а норма потребления хлеба – 287 кг. Из его расчетов получалось, что в 1909–1913 гг. «индекс удовлетворения хлебом» составлял 124 %, т.е. за год в пищу потреблялось $287 \times 1,24 \approx 356$ кг на душу сельского населения [10, с. 94–95].

Однако, прежде всего, нужно заметить, что Миронов вводит поправку к официальным данным о среднем валовом сборе: он считает официальные данные заниженными и увеличивает их на «минимальную» поправку в 10 %. Вопрос о возможной заниженности данных ЦСК действительно дискутировался в начале XX в., но в 1926 г. появилась статья Н. Виноградовой, доказавшей, что «данные Центрального статистического комитета *устанавливали уровень урожая очень близко к действительности*» (выделено Н. Виноградовой. – С. Н.) [11, с. 90]. К этому же выводу позднее пришли известные английские эксперты С. Уиткрофт и Р. Девис [12]. Б.Н. Миронов аргументирует свою позицию следующим образом: «По мнению специалистов, губернаторские отчеты XIX – начала XX в. преуменьшали сборы хлебов на 10–20 %... Поскольку для всего XIX в. использованы данные губернаторских отчетов, то я внес в них *минимальную* (выделено Б.Н. Мироновым. – С. Н.) поправку, равную 10 %» [13, с. 127]. Однако в действительности для периода после 1883 г. Б.Н. Миронов использует не губернаторские отчеты, а данные ЦСК, в которые он тоже вносит 10 %-ную поправку. При этом Б.Н. Миронов признает значение результатов Н. Виноградовой, но считает, что «крестьяне в равной степени не доверяли как земствам, так и ЦСК и вряд ли могли сообщить и тем и другим правильные све-

дения» [10, с. 91]. То есть под сомнение ставятся не только данные ЦСК, но и корреспондентские данные земств и Министерства земледелия. Напомню, что эти данные предоставлялись *добровольными* корреспондентами, которых никто не заставлял лгать, и поскольку эти корреспонденты принадлежали по большей части к числу зажиточных хозяев, то их данные считались завышенными даже собиравшим их Министерством земледелия².

Таким образом, введенная Б.Н. Мироновым 10 %-ная поправка была произвольной и необоснованной. Однако в приведенном им расчете имеются и более грубые погрешности. Б.Н. Миронов принимал норму расхода на фураж в 18 кг зерна на душу сельского населения, в то время как Министерство продовольствия оценивало ее минимально в 8,1 пуда, т. е. в 132 кг на душу (1917 г.) [6, с. 24–25]. Когда в дискуссии на сайте «Клиодинамика» я указал Б.Н. Миронову на эту ошибку, он ответил, что в его расчетах все правильно, что, вводя норму в 18 кг, он даже преувеличивает расходы зерна на фураж [14, с. 123]. В итоге хлебофуражный баланс из «Уральского исторического вестника» в неизменном виде перекочевал в монографию Б.Н. Миронова «Благосостояние населения и революции в имперской России» [1, с. 293].

После публикации монографии на несуразность нормы в 18 кг обратили внимание многие исследователи – в том числе такой известный специалист, как А.В. Островский [15]. Б.Н. Миронову пришлось как-то выходить из неудобного положения, и он заявил, что случилась «опечатка» [16, с. 138], что вместо «норма фуража» должно было быть напечатано «норма корма для птицы и сдачи в запасные хлебные магазины». Одновременно выяснилось, что пропали две строки в таблице, «норма фуража на душу сельского населения» (50 кг) и «норма хлеба на душу сельского населения» (237 кг). Эти удивительные «опечатки» были исправлены во втором издании [17, с. 237], однако исправление «опечаток» не помогло делу, так как новая норма фуража (50 кг) противоречила данным источников (132 кг), так же как и старая, что было сразу же замечено специалистами. В итоге Б.Н. Миронов исключил указанные расчеты из своей новой книги [18, 19, 20] заявив, что «мы располагаем *фактическими* (выделено Б.Н. Мироновым. – С. Н.) данными о производстве и расходовании зерновых и картофеля на все нужды» [16, с. 256], а раз так, то никакие расчеты не нужны.

Что представляют собой эти внезапно обнаруженные Б.Н. Мироновым «фактические данные»? Речь идет о данных 13 бюджетных обследований, проводившихся в 1886–1917 гг., материалы о них собраны в монографии С.А. Клепикова [21]. Данные этих обследований относятся к разным годам и обладают различной степенью достоверности. В них

содержалась информация о 4583 хозяйствах, причем 70 % обследованных хозяйств располагались в трех губерниях – Вятской, Тульской и Вологодской. Какое число хозяйств нужно обследовать, чтобы получить относительно достоверные данные? На основании анализа, проведенного методами математической статистики, ЦСУ СССР в 1925–1929 гг. считало необходимым обследовать 10–15 тыс. хозяйств *каждый год*, причем эти хозяйства должны распределяться по губерниям пропорционально численности населения, а выборка должна быть совершенно случайной, независимой от статистика [22, с. 45–54]. С учетом критериев ЦСУ СССР дореволюционные обследования заведомо не могли дать представление о состоянии питания в стране. Методику проведения обследований критиковали многие историки. Г. Робинсон и Н.Н. Корневская утверждали, что в выборке была преувеличена доля более состоятельных хозяйств, а при некоторых обследованиях, например, при костромском и вологодском, беспосевные хозяйства вообще не включались в выборку [23, р. 251; 24, с. 29–41]. Однако дело не только в этом, более важное значение имеет то обстоятельство, что обследования проводились в благополучные годы и не касались голодающих районов. Иногда статистики прямо признавали, что они исключали из обследования села, в которых был неурожай [24, с. 35].

Таким образом, бюджетные данные, приведенные в книге С.А. Клепикова, не являются репрезентативными и не могут использоваться при оценке уровня потребления. Тем не менее, Б.Н. Миронов берет их за основу своих дальнейших расчетов и, подсчитывая калорийность всего продуктового набора, получает, что она составляла 2952 ккал/сут. При этом потреблялось 17,8 пуда (292 кг) хлеба и картофеля (в пересчете на хлеб) [21, с. 35, 37], а на эти продукты приходилось 78 % общего числа калорий. В расчете на взрослого мужчину калорийность продуктового набора составляла 4133 ккал [20, с. 296]. «Таким образом, – заключает Б.Н. Миронов в своей новой книге, – в количественном отношении питание крестьянства в начале XX в. можно считать достаточным» [20, с. 299].

Б.Н. Миронов очень сдержанно оценивает свой сенсационный результат. Между тем из его вычислений следует, что по суточной калорийности уровень потребления сельского населения в России (2952 ккал) был выше, чем во Франции и в Дании [21, с. 25], и выше, чем в США в 1961 г. (2880 ккал)³, а также выше, чем в современной российской деревне (2800 ккал) [25, с. 86]. Оказывается, взрослый крестьянин потреблял калорий намного больше, чем рабочий в Чикаго и французский солдат [26, р. 82, 106].

«Когда я читал статью Б.Н. Миронова, – писал академик Б.В. Ананьич, – меня не покидала мысль, что это розыгрыш читателя, демонстрация искусства

² Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. СПб: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1902. Вып. 1. С. 81.

³ FAOSTAT: Food Balance Sheets. URL: <http://faostat.fao.org/site/368/DesktopDefault.aspx?PageID=368#ancor> (дата обращения: 16.01.2017).

искаженного изображения прошлого с помощью ошеломляющего обилия цифрового материала и отсылок на англоязычные издания...» [27, с. 613]. Тут надо пояснить, что Б.Н. Миронов постоянно ссылается на П. Грегори, а именно на его утверждение: «Стоимость зерна, оставленного крестьянами для собственного потребления, в постоянных ценах возросла на 51 %...» Пройдя стажировку в Институте Кеннана, Б.Н. Миронов, по-видимому, перенял не только идеи, но и методы американских историков ревизионистского направления. Это касается не только «искусства искаженного изображения прошлого с помощью ошеломляющего обилия цифрового материала». Одним из методов западных историков является антропометрия – анализ изменений в потреблении на основе данных о росте и весе людей в различные периоды. Б.Н. Миронов попытался применить этот подход на российских материалах, и полученные им результаты были столь сенсационны, что журнал «Slavic Review» посвятил их публикации и обсуждению специальный номер [28].

Для изучения антропометрической динамики Б.Н. Миронов использовал данные о росте новобранцев, призванных на военную службу в 1874–1913 гг. Эти данные послужили основой для его расчетов, которые, как казалось, свидетельствовали о том, что средний рост новобранцев в указанный период значительно увеличился. Антропометрические расчеты Б.Н. Миронова произвели столь сильное впечатление на западную историческую общественность, что послужили основой для вывода о повышении уровня жизни в России, категорически сформулированного во втором томе «Кембриджской истории России» [29, р. 391]. В глазах Запада Б.Н. Миронов стал выдающимся российским историком, и на обсуждение его книг в Россию во множестве приезжали именитые западные историки.

Б.Н. Миронов продолжил свои антропометрические исследования в серии статей и в 2010 г. попытался их в своей 1000-страничной монографии «Благосостояние населения и революции в имперской России» [1]. Издание книги было осуществлено при правительственной поддержке на средства Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям; затем книга была издана на английском и китайском языках, а через год появилось роскошное второе издание, признанное за полиграфическое исполнение «лучшей книгой года».

Книга вызвала большой интерес мировой исторической общественности – прежде всего в связи с присутствием в обсуждаемых проблемах очевидного политического аспекта. Известный специалист по исторической антропометрии Йорг Батен резюмировал: «Борис Миронов написал выдающуюся книгу... Основной тезис Миронова заключается в отсутствии системного кризиса, который сопровождался бы снижением уровня жизни в конце XIX века (накануне русской революции), что этот период был довольно успешным периодом развития империи. Этот вопрос занимает центральное место в историографии, и он

имеет решающее влияние на сегодняшнюю политическую дискуссию: был ли кризис Российской империи обусловлен ее самодержавным строем, или же причиной был также низкий уровень жизни?»⁴ (курсив мой. – С. Н.).

Однако в среде российских историков книга вызвала неоднозначную реакцию. При ее обсуждении на «круглом столе» в журнале «Российская история» западные историки энергично поддержали Б.Н. Миронова, но среди российских историков не было единого мнения [30]. Несогласие с выводами Б.Н. Миронова выразили многие специалисты, в том числе В.П. Булдаков, В.В. Бабашкин, Н.А. Иванова, М.Д. Карпачев, О.Н. Катионов, А.А. Куренышев, И.С. Кузнецов, Т.Г. Леонтьева, И.В. Михайлов, А.В. Островский, Г.И. Ханин, П.П. Щербинин [30; 31; 32]. Б.Н. Миронов очень своеобразно ответил на эту критику: он опубликовал новую книгу, заголовки которой говорят сами за себя: «В.П. Булдаков: “Дикие крики озлобленья”», «Т.Г. Леонтьева: “Муж и жена – одна сатана”», «Пришел, увидел, насмешил» (это об А.В. Островском), «В огороде – бузина, а в Киеве – дядька» (ответ М. Эллану)» и т.д. [13, с. 5–6].

Однако, выражая свое несогласие с выводами Б.Н. Миронова, оппоненты в большинстве случаев говорили о видимом противоречии его антропометрических данных со сложившимися представлениями о низком уровне жизни в Российской империи. Не будучи специалистами по исторической антропометрии, российские историки не могли выскочить в детали антропометрических расчетов Б.Н. Миронова.

Увеличение среднего роста мужского населения – главный аргумент Б.Н. Миронова, который, по его мнению, свидетельствует о повышении уровня жизни. «За 50 лет, 1866–1915 гг., рост увеличился на 4,5 см – с 164,5 до 169 см...», – пишет Миронов. – Прорыв в уровне биостатуса произошел после Великих реформ, только после вступления России в эпоху рыночной экономики» [1, с. 274]. Фраза об увеличении роста в 1866–1915 гг. означает, что мужчины 1911–1915 гг. рождения в среднем имели рост на 4,5 см больше, чем мужчины 1866–1870 гг. рождения. Правда, если сравнивать не с 1911–1915 гг., а с 1901–1905 гг., то увеличение роста будет более скромным – 2,3 см, так что «прорыв в уровне биостатуса» пришелся в основном на 1905–1915 годы. Тем не менее фиксируемое увеличение роста, согласно Б.Н. Миронову, – это показатель повышения уровня жизни и улучшения питания широких масс, свидетельство достижений царской власти.

Здесь мы наталкиваемся на первую ошибку Б.Н. Миронова в интерпретации антропометрических данных. Дело в том, что в другой его работе приводятся данные о росте мужчин, родившихся в 1926–1930 гг. – 167,4 см, и в 1941–1945 гг. – 169,5 см [33, с. 272]. По

⁴ Baten J. The Standard of Living and Revolutions in Russia, 1700–1917, ed. by E.H. Net (January 2013). URL: <http://eh.net/?s=Baten+Mironov> (date of access: 16.01.2017).

логике Б.Н. Миронова, отсюда вытекает, что в годы Отечественной войны люди жили лучше, чем при нэпе и в последние десятилетия Российской империи. Причина этого «недоразумения» заключается в том, что Б.Н. Миронов считает, что изменения в росте объясняются, главным образом, изменением условий в первый год жизни. Западные специалисты ранее указывали на эту ошибку Б.Н. Миронова [34; 35], причем С. Хок даже полагал, что эта ошибка «подрывает все последующее обсуждение», что говорить больше не о чем [34, р. 67]. Действительно, очевидно, что дефинитивный рост людей 1941–1945 гг. рождения определяется их жизнью в 1950-х гг., а рост родившихся в 1911–1915 гг. определяется их жизнью в 1920-х гг. Так что «прорыв в уровне биостатуса», о котором говорит Миронов, является не заслугой царской власти, а достижением нэпа.

Однако, хотя «прорыв в уровне биостатуса» относится к более позднему времени, в 1874–1913 гг., судя по расчетам Б.Н. Миронова, также произошло увеличение роста призывников (на 2,3 см). Но в последнее время удалось разобраться в механизме этих расчетов; в них обнаружилась ошибка, связанная с тем, что Б.Н. Миронов не учел изменение формы регистрации роста рекрутов в воинских присутствиях. В отчетах воинских присутствий указывалось число рекрутов в ростовых группах, например, в третьей группе «2 аршина 3 вершка» – столько-то человек, в четвертой группе «2 аршина 4 вершка» – столько-то человек. Б.Н. Миронов считал, что при записи в группу измеренный рост округляли до ближайшего целого числа вершков, таким образом, средний рост в группе «2 аршина 3 вершка» соответствовал ее названию. Однако в 1890 г. форма отчета изменилась, и третья группа стала называться «до 2 аршина 3 вершков включительно», четвертая – «до 2 аршина 4 вершков включительно» и т.д. При этом средний рост в группах понизился примерно на полвершка, но Б.Н. Миронов пренебрег этим обстоятельством, поэтому его расчеты дали неверный результат. Более точные подсчеты показали, что в действительности рост рекрутов не увеличивался, а уменьшался (подробнее см.: [36; 37]).

Изменение формы отчетов присутствий по воинской повинности отражено в сотнях архивных дел⁵, из которых, как указывает Б.Н. Миронов, он извлекал суммарные данные о количестве рекрутов в той или иной ростовой группе. Б.Н. Миронов ссылается на все эти дела [1, с. 234–236, 778–779], и разумеется, факт смены формы отчетности не мог остаться для него неизвестным. Остается только удивляться столь произвольному обращению с документом, в результате чего на свет появляется «новая концепция» развития Российской империи и издается 1000-страничная монография, которая переводится на иностранные языки и оживленно обсуждается в научных кругах. Здесь уместно вспомнить слова академика Б.В. Ананьича о

«розыгрыше читателя и демонстрации искусства искаженного изображения прошлого с помощью ошеломляющего обилия цифрового материала».

После обнаружения этого «розыгрыша» антропометрические данные исчезли из работ Б.Н. Миронова – в его трехтомной новой работе, посвященной все той же теме – «успешности» Российской империи, ничего не говорится о поразительном «прорыве в уровне биостатуса». Практически единственной цифрой, говорящей об «экономическом процветании» Российской империи, осталось потребление в 2952 ккал в сутки – Б.Н. Миронов продолжает настаивать на том, что потребление в России было выше, чем в Дании, во Франции и в США.

Тем не менее времена меняются; после окончания «холодной войны» не подогреваемый грантами энтузиазм историков-ревизионистов заметно угас, и суэта вокруг революции постепенно затихает. На Западе снова появились работы, объективно оценивающие российскую реальность начала XX в. Известный специалист по экономической истории Роберт Аллен, основываясь на уточненных данных С. Уиткрофта, построил продовольственный баланс для 1895–1915 гг. Подсчеты Р. Аллена показывают, что душевое потребление в 1895–1910 годах составляло примерно 2100 ккал/сут. [38, р. 134]. А.В. Островский в своей последней работе, так же как Р. Аллен, приходит к выводу, что продовольственные потребности населения удовлетворялись лишь на минимальном уровне [39]. Принятая Всемирной организацией здравоохранения минимальная норма среднедушевого потребления продовольствия составляет 2300–2400 ккал на человека в день. 2100 ккал/сут. – это уровень бедных стран современной Африки, «уровень Сомали» [25, с. 80]. Вот в этом «уровне Сомали» и заключалась причина Русской революции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010. 911 с.
2. *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. 302 с.
3. *Бокарев Ю.П.* Еще раз о темпах роста промышленного производства в России в конце XIX – начале XX века // Отечественная история. 2006. № 1. С. 131–140.
4. *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003. 255 с.
5. *Gregory P.* Grain Marketing's and Peasant Consumption, Russia, 1885–1913 // Explorations in Economic History. 1980. Vol. 17, N 2. 135–164.
6. Урожай хлебов в России в 1917 г. / под. ред. А.Е. Лосицкого. М., 1918. 220 с.
7. Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909–1913 гг. Материалы по продовольственному плану. Пг., 1916. Выпуск 1. 96 с.
8. *Иванцов Д.И.* К критике русской урожайной статистики // Зап. Имп. Русск. геогр. о-ва. 1915. Т. 14. 178 с.
9. *Островский А.В.* Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб., 2013. 416 с.
10. *Миронов Б.Н.* Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в.? // Уральский исторический вестник. 2008. № 3. С. 83–95.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1292. Оп. 4. Д. 676–754 (1889 г.), 770–844 (1890 г.), 859–925 (1891 г.), 950–1028 (1892 г.).

11. Виноградова Н. Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1926. Кн. XXIV. С. 51–104.

12. Wheatcroft S.G., Davies R.W. The crooked mirror of Soviet economic statistics // The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945. Cambridge, 1994. P. 24–37.

13. Миронов Б.Н. Страсти по революции. М., 2013. 336 с.

14. Миронов Б.Н. Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить // О причинах русской революции. М., 2010. С. 114–135.

15. Островский А.В. О модернизации России в книге Б.Н. Миронова // Вопр. истории. 2010. № 10. С. 120–140.

16. Миронов Б.Н. Страсти по исторической антропометрии // Вопр. истории. 2011. № 4. С. 122–140.

17. Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2012. 848 с.

18. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2015. Т. 1. 896 с.

19. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2015. Т. 2. 912 с.

20. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2015. Т. 3. 992 с.

21. Клепиков С.А. Питание русского крестьянства. М., 1920. Ч. I. Нормы потребления главнейших пищевых продуктов. 52 с.

22. Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981. С. 45–54.

23. Robinson G.T. Rural Russia Under the Old Regime. New York; London, 1967. 327 p.

24. Корневская Н.Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М., 1954. 155 с.

25. Природные и социально-экономические факторы, определяющие условия жизни и здоровье населения: оценка и прогноз / под ред. Н.Е. Терентьева, Д.И. Шмакова. М., 2015. 166 с.

26. Guyot Y. The bread and meat of the world // Publications of the American Statistical Association. 1904. Vol. 9, issue 67–68. P. 75–119.

27. Ананьич Б.В. Заметки по поводу статьи Б.Н. Миронова «Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С.Ю. Витте и благополучие населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим данным» // Экономическая история: ежегодник. 2002. С. 611–613.

28. Mironov B.N. New approaches to old problems: the well-being of the population of Russia from 1821 to 1910 as measured by physical stature // Slavic Review. 1999. Vol. 58, N 1. P. 1–26.

29. The Cambridge history of Russia. Vol. II / ed. by D. Lieven. Cambridge, 2006. 765 p.

30. Россия в истории: от измерения к пониманию: новая книга Б.Н. Миронова в откликах и размышлениях его коллег // Российская история. 2011. № 1. С. 145–204.

31. Островский А.В. К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России // Вопр. истории. 2011. № 6. С. 129–144.

32. Ханин Г.И. Какова была социальная дифференциация в дореволюционной России? // Идеи и идеалы. 2010. № 2. С. 64–72.

33. Миронов Б.Н. Жизненный уровень в Советской России при Сталине по антропометрическим данным // Экономическая история: ежегодник, 2004. С. 565–588.

34. Hoch S. Tall Tales: Anthropometric Measures of Well-Being in Imperial Russia and the Soviet Union, 1821–1960 // Slavic Review. 1999. Vol. 58, N 1. P. 61–70.

35. Элман М. Витте, Миронов и ошибочное использование антропометрических данных // Экономическая история. Обзорение. М., 2005. Вып. 11. С. 159–166.

36. Нефедов С.А. Роковая ошибка. По поводу использования Б.Н. Мироновым антропометрических данных новобранцев // Новейшая история России. 2014. № 3 (11). С. 110–115.

37. Nefedov S., Ellman M. The development of living standards in Russia before the First World War: An examination of the anthropometric data // Revolutionary Russia. 2016. Vol. 29, N 2. P. 149–168.

38. Allen R. Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution. Princeton, 2003. 302 p.

39. Островский А.В. Российская деревня на историческом пути. М., 2016. 431 с.

REFERENCES

1. Mironov B.N. The well-being of the population and the revolution in Imperial Russia: XVIII – early XX centuries. Moscow, 2010, 911 p. (In Russ.)

2. Tyukavkin V.G. Great Russian peasantry and Stolypin agrarian reform. Moscow, 2001, 302 p. (In Russ.)

3. Bokarev Yu.P. Once more about the industrial production growth rate in Russia in the late XIX – early XX centuries. *Otechestvennaya istoriya*. 2006, no. 1, pp. 131–140. (In Russ.)

4. Gregory P. Economy growth of the Russian Empire (the end of XIX – early XX centuries). New calculations and evaluations. Moscow, 2003, 255 p. (In Russ.)

5. Gregory P. Grain marketing's and peasant consumption, Russia, 1885–1913. *Explorations in Economic History*. 1980, vol. 17, no. 2, 135–164.

6. Bread Harvest in Russia in 1917. Ed. A.E. Lositsky. Moscow, 1918, 220 p. (In Russ.)

7. The production, transportation and consumption of crops in Russia in 1909–1913. Materials on the food plan. Petrograd, 1916, iss. 1, 96 p. (In Russ.)

8. Ivantsov D.I. To the critique of statistics. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obschestva*. 1915, vol. 14, 178 p. (In Russ.)

9. Ostrovskiy A.V. Grain production in European Russia in the late XIX – early XX centuries. St. Petersburg, 2013, 416 p. (In Russ.)

10. Mironov B.N. Is there enough food produced in Russia in the XIX – early XX centuries? *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. 2008, no. 3, pp. 83–95. (In Russ.)

11. Vinogradova N. Russian harvest statistics. *Vestnik statistiki*. 1926, bk. 24, pp. 51–104. (In Russ.)

12. Wheatcroft S.G., Davies R.W. The crooked mirror of Soviet economic statistics. *The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945*. Cambridge, 1994, pp. 24–37.

13. Mironov B.N. Passion concerning the revolution. Moscow, 2013, 336 p. (In Russ.)

14. Mironov B.N. Lenin lived, Lenin lives, but is unlikely to live. *O prichinah russkoy revolyutsii*. Moscow, 2010, pp. 114–135. (In Russ.)

15. Ostrovskiy A.V. Russia's modernization in the book of B.N. Mironov. *Voprosy istorii*. 2010, no. 10, pp. 120–140. (In Russ.)

16. Mironov B.N. Passion for historical anthropometry. *Voprosy istorii*. 2011, no. 4, pp. 122–137. (In Russ.)

17. Mironov B.N. The well-being of the population and the revolution in Imperial Russia: XVIII – early XX centuries. Moscow, 2012, 848 p. (In Russ.)

18. Mironov B.N. The Russian Empire: from tradition to modernity: 3 vols. St. Petersburg, 2015, vol. 1, 896 p. (In Russ.)

19. Mironov B.N. The Russian Empire: from tradition to modernity: 3 vols. St. Petersburg, 2015, vol. 2, 912 p. (In Russ.)

20. Mironov B.N. The Russian Empire: from tradition to modernity: 3 vols. St. Petersburg, 2015, vol. 3, 992 p. (In Russ.)

21. Klepikov S.A. Nutrition of the Russian peasantry. Moscow, 1920, pt I. The norms of consumption of the most important food, 52 p. (In Russ.)

22. Bokarev Yu.P. Peasant farm budget survey of the twenties as a historical source. Moscow, 1981, 310 p. (In Russ.)

23. Robinson G.T. Rural Russia under the old regime. New York; London, 1967, 327 p.

24. Korenevskaya N.N. Peasant farm budget survey in pre-revolutionary Russia. Moscow, 1954, 155 p. (In Russ.)

25. Natural and socio-economic factors, determining the conditions of life and health: assessment and forecast. Eds. N.E. Terentev, D.I. Shmakov. Moscow, 2015. (In Russ.)

26. Guyot Y. The bread and meat of the world. *Publications of the American Statistical Association*. 1904, vol. 9, iss. 67–68, pp. 75–119.
27. Ananich B.V. Notes on B.N. Mironov's article, "Who paid for industrialization: the economic policy of S.Yu. Witte and population welfare in the 1890–1905 according to the anthropometric data". *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik*. Moscow, 2002, pp. 611–613. (In Russ.)
28. Mironov B.N. New approaches to old problems: the well-being of the population of Russia from 1821 to 1910 as measured by physical stature. *Slavic Review*. 1999, vol. 58, no. 1, pp. 1–26.
29. The Cambridge history of Russia. Vol. 2, ed. D. Lieven. Cambridge, 2006, 765 p.
30. Russia in the history: from measurement to understanding: a new book by B.N. Mironov in the responses and reflections of his colleagues. *Rossiyskaya istoriya*. 2011, no. 1, pp. 145–204. (In Russ.)
31. Ostrovskiy A.V. To the results of the dispute about the living standard in pre-revolutionary Russia. *Voprosy istorii*. 2011, no. 6, pp. 129–144.
32. Hanin G.I. What was the social differentiation in pre-revolutionary Russia? *Idei i idealy*. 2010, no. 2, pp. 64–72. (In Russ.)
33. Mironov B.N. The living standard in Soviet Russia under Stalin according to anthropometric data. *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik*. 2004, pp. 565–588. (In Russ.)
34. Hoch S. Tall tales: Anthropometric measures of well-being in imperial Russia and the Soviet Union, 1821–1960. *Slavic Review*. 1999, vol. 58, no. 1, pp. 61–70.
35. Ellman M. Witte, Mironov and erroneous use of anthropometric data. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*. Moscow, 2005, no. 11, pp. 159–166. (In Russ.)
36. Nefedov S.A. The fatal mistake. About using recruit anthropometric data by B.N. Mironov. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2014, no. 3 (11), pp. 110–115. (In Russ.)
37. Nefedov S., Ellman M. The development of living standards in Russia before the First World War: an examination of the anthropometric data. *Revolutionary Russia*. 2016, vol. 29, no. 2, pp. 149–168. (In Russ.)
38. Allen R. Farm to factory: a reinterpretation of the Soviet industrial revolution. Princeton, 2003, 302 p.
39. Ostrovskiy A.V. The Russian village at the historic crossroads. Moscow, 2016. 431 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 26.01.2017